

32. Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 255–269.
33. Фесенко О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. П. Фесенко. – Томск, 2009. – 38 с.

Надійшла до редколегії 29.03.11

УДК 811.161.1'367

Н. П. Курмакаева

Донецкий национальный университет

ПОЛЕ БЕЗЛИЧНОСТИ: МОДЕЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Розглянуто категорію безособовості як польову структуру. Досліджено закономірності заповнення позицій головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності. З'ясовано напрямки розвитку поля безособовості у сучасній російській мові.

Ключові слова: функціонально-граматичне поле, центр, периферія, спеціалізовані / неспеціалізовані репрезентанти.

Рассмотрена категория безличности как полевая структура. Прослежены закономерности заполнения позиции главного члена безличных предложений в связи с действием принципа функциональной эквивалентности. Выявлены направления развития поля безличности в современном русском языке.

Ключевые слова: функционально-грамматическое поле, центр, периферия, специализированные / неспециализированные репрезентанты.

The article deals with the analysis of the category of impersonality as the field structure. The regularities of the completion of the main part of the impersonal sentences position according to the action of functional equivalence have been traced. The directions of the impersonality field development in the modern Russian have been put up.

Keywords: functional-grammar field, centre, periphery, specialized and nonspecialized representations.

Последняя четверть века в русистике ознаменовалась не только продолжением дискуссии о том, есть ли в русском языке категория безличности (КБ) вообще (а если есть, то в чем ее специфика), но и активными поисками «конфигурации» данного феномена в языковом пространстве. С того времени, как в рамках функциональной грамматики началась интенсивная разработка функционально-семантических полей (ФСП), плодотворным стало осмысление безличности как фрагмента одного из лингвистических полей. Так, А. В. Бондарко ее формы относит «к крайней периферии персональности» [7, с. 23]. В. С. Храковский явления демиактивности предлагает рассматривать «как более частное подразделение внутри актива <...> а не между активом и пассивом» [там же, с. 139]. Е. В. Клобуков, анализируя характер соотношения центра и периферии ФСП персональности, выразил сомнение по поводу присутствия безличной формы глагола в сфере личного дейксиса и высказал предположение о том, что «безличные значения в рамках ономазиологически ориентированной грамматики могли бы рассматриваться как основание для выделения особого коммуникативно-прагматического поля» [1, с. 110].

Однако безличность по ряду важных критериев, бесспорно, принадлежит сфере функциональной грамматики и в этом плане небезынтересна как «катего-

рия грамматического мышления» (А. М. Пешковский), отражающая способность языковой личности осмысливать и репрезентировать фрагменты картины мира специфическими средствами – безличными предложениями (БП). БП отмечены абсолютизацией грамматического предиката, полной закрытостью позиции подлежащего, понижением синтаксического ранга субъектной словоформы вплоть до ее полной элиминации. Их характеризует обусловленное дистрибуцией категориальное значение ‘стихийность’, ‘самопроизвольность’, ‘инволютивность’. Существенные различия между личными и безличными образованиями, как известно, лежат в области грамматических различий в оформлении этих конструкций, чем обуславливаются и семантические расхождения. Это особенно заметно в художественной речи при наличии авторских окказиональных БП на фоне их личных коррелятов, например: *Курить, конечно, бросил – само бросилось* (А. Солженицын). И, наоборот, – окказиональных личных на фоне узуальных БП как игру слов участников речевой ситуации: – *Что, надумалось? – уколол его Карамышев... – Надумался. Когда пожелаете продолжать следствие, я к вашим услугам* (Н. Гейнце).

Многолетние наблюдения над феноменом безличности дают основание говорить о том, что КБ – объект функциональной грамматики, поскольку сущность категории системно выявляется на функционально-грамматическом уровне, только фокус внимания с триединства «форма – функция – значение» должен быть расширен до четырехмерного подхода: «позиция – форма – функция – значение» [2]. В соответствии с логикой наших рассуждений *целью* данного исследования является воспроизведение полевой модели категории безличности и выявление характера и направленности ее развития. Для этого за рабочее определение безличности принимаем: *безличность* – это грамматикализованное выражение в языковой картине мира явлений действительности как стихийно или самопроизвольно возникающих и протекающих, реализуемое в языке-функции через систему предикатных средств, имеющих дистрибутивную маркированность и неодинаковую степень приспособленности для выполнения функции главного члена БП. Это позволяет рассматривать КБ как самостоятельное поле, базу которого составляют безличные конструкции со всем репрезентационным потенциалом единственной в предложении предикатной позиции.

Для поля, в границах которого можно наиболее полно систематизировать КБ, а соответственно, и БП как способ ее существования в языке и речи, предлагаем рабочее название «функционально-грамматическое поле (ФГП) безличности». Под ним понимается структурированная в соответствии со степенью синтаксической специализации иерархия всех предикатосоставляющих компонентов БП.

В заполнении позиционного состава предложения действует ряд закономерностей. Один из важных – принцип функциональной эквивалентности (В. В. Луцкай [3, с. 23 и далее]), позволяющий разграничивать специализированные словоформы и неспециализированные словесные знаки, т. е. функциональные эквиваленты специализированных. Специализированными словоформами для позиции главного члена БП следует признать безличные формы глаголов, которые при передаче категорий предикативности не нуждаются во вспомогательных средствах. Это центр КБ. Неспециализированными формами (комплексами) для названной позиции являются все нефинитные единицы разной степени сложности, которые нуждаются в безличной форме связочного глагола для подтверждения своей «сказуемости», поскольку они занимают не всю позицию предиката, а присвязочную субпозицию. Они составляют периферию КБ. Такое разграничение дает основания утверждать, что КБ не просто имеет полевую структуру, а отличается специфическим устройством центра и периферии.

Центр включает компактную ядерную и обширную приядерную зону, которую покрывают специализированные для позиции главного члена БП словоформы – безличные формы глаголов (БФГ). Структурная схема представительства центра: $V_{\text{БС}}$. Это базовая модель русского безличного предложения (*Уж совсем рассвело; В окна сильно дует*).

Периферия тоже состоит из двух зон: ближней и дальней. Ближнюю занимают словоформы неполной синтаксической специализации, репрезентанты именной субпозиции: *Всюду (было/будет) насорено / пустынно*, которым не свойственно в современном языке выполнять специализированную функцию. На дальней периферии – формы слов, конструкты (в том числе фразеологизированные) и целые предикативные единицы, используемые узуально или окказионально в качестве неспециализированных единиц (именной предикат в БП): *Ему не по себе; На войне как на войне; Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись* (М. Пришвин). Структурная схема представительства периферии: $\approx V_{\text{БС}}$, где знак \approx обозначает функциональную эквивалентность неспециализированной словесной формы в специализированной словоформе (см. об этом: [3, с. 22–37]).

Ядро ФГП безличности формируют безличные глаголы с нулевой личной подпарадигмой, монофункциональные и моносемантические: (1) безвалентные (*светает; засентябрило*); (2) одновалентные (*нездоровится; грустится*); (3) двухвалентные (*нет; не хватает*). Развитие ядра маловыраженное: группа (3) статична и не развивается (экзистенциальный подтип): *Его дома не оказалось; Родителей зимой не стало*; группа (1) открыта для немногочисленных новообразований: *В конце января в Европе не на шутку размокрогодило* (ТВ, 2011); группа (2) достаточно активна в расширении за счет постфиксальных новообразований: – *Тё, – сказал он, – а вдруг тебе не заплачется?* (Ф. Искандер); *Надо бы сильнее благоговеть, а благоговется как-то слабо, что ли* (Т. Толстая), реже – беспостфиксных и окказиональных: *...чтобы воды не целлюлозило* (Е. Евтушенко).

Приядерную зону формируют безличные формы глаголов, имеющие личный коррелят. Способность глаголов к развитию наряду с личными безличных форм свидетельствует о подвижности границ приядерной зоны в сторону ее расширения и обогащения. Эти корреляции настолько активны и многочисленны, что вопрос о грамматической категории личности/безличности в русском языкознании ставился и решался чаще на материале глагольных слов, нежели всех остальных (Ф. И. Буслаев; В. И. Классовский; Т. П. Ломтев; А. А. Потебня; А. А. Шахматов и др.). Сформировавшаяся модель БП с соответствующей семантикой втягивает в сферу своего воздействия глаголы самых разных лексико-семантических разрядов, приспособлявая их к своей схемной семантике: «(там-то, тогда-то у того-то) таково делается». Следовательно, у приядерной группы самый обширный конструктивно-семантический диапазон и потенциал развития: 1) impersonalia meteorologica: *К утру затуманилось* (В. Белов); 2) стихийные явления и процессы в природе и среде, в том числе осмысленные метафорически: *...когда мокрый, чуткий его нос... засургучивало стужей, он [пес] деликатно царапался в дверь* (В. Астафьев); 3) самопроизвольные процессы в организме человека: *Аникеев взял в руки хлеба, хотел откусить, но не мог. Не кусалось и не глоталось* (В. Токарева); 4) неконтролируемые действия и эмоции: *Но я счастлив, как юный жених, И танцуется мне и хохочется...* (Л. Филатов) и другие микрополя. Безличные формы глаголов, находясь в отношениях привативной оппозиции с личными, вместе создают ядро общей категории личности/безличности.

С понятием «грамматической периферии» связывают различные отклонения от «прототипической» грамматической категории [5, с. 131], куда вполне впи-

сываются неглагольные предикаты – репрезентанты присвязочной субпозиции, не способные без глагольной связки передавать категорию времени. Они представляют собой негомогенную группу.

На границе глагольных и именных предикатов располагаются причастные предикаты – краткие страдательные причастия среднего рода. Большинство из них категориальную семантику безличности «было/будет таково» приобретают в позиции главного члена БП, т. е. под воздействием схемной семантики. Структурная схема: $Сор_{3s}Part_{кратк.}$ или $\approx V_{f3s}$. В основном, они представляют собой разговорно-просторечные формы от непереходных (реже переходных) глаголов, которые, вероятнее всего, так и останутся за пределами литературного языка, как-то: *В трех водах **топлено**, в трех кровях **купано**, в трех щелоках **варено**. Чище мы чистого* (А. Н. Толстой); *О московских кухнях, где **накурено**, **наругано**, стихов **начитано**, слез **наплакано**, морд **набито** и губ **нацеловано**, – говорить бессмысленно* (Н. Маркина). Впрочем, подгруппа не замкнута и оставляет простор для речевого экспериментирования.

Второй массив ближней периферии – краткие адъективы, выдвинутые в присвязочную субпозицию составного именного главного члена БП со значением состояния природы, среды или человека как результат субъективного восприятия и отображения мира говорящим. Они обнаруживают чрезвычайную активность в структуре БП и легко вписываются в семантическую схему «там-то (тому-то) таково (было/будет)». Не представляет проблемы для узуса расширение границ массива за счет метафорических переносов, в том числе окказиональных: *Мне тихо и **осенне*** (Р. Казакова); *Слева, справа – сплошь **отрава**. Птичка Божия **беспечна**. Вот и люди – слева, справа. **Птично**, вечно, **человечно*** (О. Тарутин).

Границы подзон названного микрополя достаточно четки и зримы. Но они, как показывают примеры, имеют свойство расширяться и за счет действия закона свободного заполнения присвязочной субпозиции предикатного компонента: *Еще **водно**, **рыбно** и **лесно** на Руси* (Л. Леонов); *Было тихо, **месячно*** (В. Шишков); *Было в городе строго и **лыжно*** (Е. Евтушенко).

Наиболее разнородная, плохо структурированная и по-разному развивающаяся часть КБ – дальняя периферия. Ее можно рассматривать в пределах двух массивов: субстантивного и смешанного – наречного и комплексного.

1) Субстантивная подгруппа.

Внутреннее семантическое пространство присвязочной части предиката БП обнаруживает достаточную емкость и способность втягивать в выражение самопроизвольных состояний человека или среды субстантивные словоформы некоторых предложно-падежных образований. С точки зрения морфологосинтаксического принципа представления структурных схем их можно символизировать следующим образом: *Ни N_2* (*Ни облачка на небе*); *Не до N_2* (*Не до шутки*); *Не без N_2* (*В семье не без урода*); *(Не) как у N_2* (*У него не как у всех*); *(Не) к N_3* (*Уж к полудню было*); *(Не) по N_3* (*Нам не по пути; Ей не по себе*) и др., а с точки зрения функционально-синтаксического принципа представления структурных схем их можно подвести под общую схему: $\approx V_{f3s}$, поскольку предикатный компонент, зафиксированный в приведенных моделях, является неспециализированным репрезентантом в позиции главного члена БП.

Структурная схема *Ни N_2* как модель эллиптического типа является дериватом схемы $V_{f3s} neg$ *ни N_2* через регулярный эллипсис отрицательного экзистенциального безличного предиката: *В доме нет ни соринки* → *В доме ни соринки*. Опускание экзистенциальной глагольной словоформы не только не меняет значения предложения, но и не создает смысловой неполноты. Предложения типа *Ни звука* продолжают квалифицировать по-разному: либо как разновидность БП

(В. В. Бабайцева, Н. С. Валгина, О. Б. Сиротинина и др.), либо как самостоятельную разновидность односоставных именных предложений – генитивные отрицательные предложения (П. А. Лекант, В. В. Лушай), либо рассматривают в качестве исходной структурной схемы (см. Русскую грамматику [т. 2, с. 342]). Ю. С. Степанов отвергает всякую связь между названными моделями и усматривает в ряду *Ни души, Не было ни души, Не будет ни души* «всего лишь межсхемные, т. е. с точки зрения структуры предиката – второстепенные, а подчас и случайные отношения (случайные оппозиции)» [6, с. 262]. Однако не видеть никакой связи между предложениями *Нет ни души* и *Ни души* нелогично: и синтаксически, и семантически они родственны. Регулярный эллипсис полнозначного глагола обусловил переходность на уровне ЧП: бывший второстепенный член предложения (*Ни + генитив*) выдвинулся в присвязочную позицию главного члена БП, объектная функция сменилась признаковой; генитивная словоформа с отрицанием стала обозначать состояние: *ни души = пусто; ни гроша = безденежно; ни соринки = чисто* и т. п. Модель достаточно активна в разговорной речи.

Структурная схема (*не*) до N_2 с точки зрения лексического наполнения компонента N_2 практически безгранична, а само наполнение диктуют экстралингвистические условия коммуникации: ***Не до сверхприбылей*** было, когда давили налогами (из беседы); ***А потом им будет уже не до электората*** (ТВ, 2009).

Структурная схема Adv_{loc} (*не*) без N_2 менее емкая и включает исчисляемое количество субстантивов в позиции N_2 : ***В нашем овраге без перемен*** (В. Некрасов). Вариант с отрицательной частицей *не* освоен языком активнее, на его базе сформировались пословично-поговорочные высказывания: ***В семье не без урода; В мире не без добрых людей; У хлеба не без крох; В политике не без грязи*** (М. Леонтьев).

Предложения типа *Уже к сумеркам было...* (А. Солженицын) модели (*Не*) к N_3 с общей семантикой наличия определенного темпорального состояния бытия позволяют в предикативный субстантивный компонент включать имена существительные в дательном падеже с предлогом *к* со значением временного отрезка суток: *к ночи, к вечеру, к утру, к рассвету, к полудню* и др., например: ***А вот как будет к обеду, так и приступим*** (ТВ); или со значением времен года: *к весне, к лету, к осени, к зиме* и др., например: ***А уже к предлетью, когда выравниваются деньки...*** (Е. Носов); или со значением приблизительного времени по часам: ***Уже к двенадцати было, когда сошел в садик...*** (И. Шмелев).

Структурная схема (*Не*) по N_3 практически закрыта: *не по себе; (не) по пути* и вариант: *(не) по дороге*.

Структурная схема Adv_{loc} (*У* N_2) как у N_2 (*в* N_6) имеет ряд речевых реализаций со сравнительным оборотом в присвязочной субпозиции: ***Неужели между мужчиной и женщиной как на вечной войне*** (А. Солженицын); ***У них как у Христа за пазухой*** (Ч. Абдуллаев); ***В воре что в море, а в дураке что в пресном молоке*** (погов.) (ср. синонимичную поговорку: *С вором опасно, а с дураком скучно*). Сравнительный союз может быть имплицитным: ***Близ царя – близ смерти***.

Неразвивающуюся подгруппу составляют БП с предикатами-номинативами: ***А теперь пора нам в море*** (А. Пушкин); ***Не время для ссор*** (В. Астафьев); ***Ей не сахар со мной*** (А. Чехов); ***В партизанах тоже не мед*** (В. Быков).

2) Наречная и комплексная подгруппы.

В субпозицию присвязочной части главного члена БП свойственно встраиваться некоторым семантическим подтипам качественно-обстоятельствственных групп наречий: ***А меж тем сказке – далеко до развязки!*** (Л. Филатов); ***У них ведь не по-вашему, строго*** (П. Бажов); ***Здесь стало по-другому*** (С. Довлатов). Иногда к ней приспосабливаются эквиваленты фразеологического типа: ***Мне все равно;***

От господского дома до завода рукой подать (Д. Мамин-Сибиряк); *А чеченцам хоть бы что...* (Т. Толстая), значительно реже – целые предикативные единицы: *Среди звуков стоны, рычания, ворчания, воя в это утро у деревьев иногда вышло так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребенок; Встал рано, вскоре после восхода солнца, но было, как будто кто-то заботливый и добрый встал еще раньше меня и перед самым восходом солнца полил всю землю и все цветы и листья теплым дождем; Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись...* Примеры предикативных единиц – функциональных эквивалентов специализированных словоформ для позиции главного члена БП нами обнаружены в прозе М. М. Пришвина, что, возможно, является одной из черт его идиостиля.

Таким образом, зона дальней периферии функционально-грамматического поля безличности занята словесными знаками разной природы и разной степени сложности. Их многообразие и разнохарактерность свидетельствуют о тенденции к расширению и развитию как репрезентационных возможностей присвязочной субпозиции главного члена БП, так и семантического пространства позиции в пределах общего значения безличности и единой структурной схемы.

В результате применения функционально-грамматического подхода к категории безличности удалось не только выявить ее полевою структуру с четко выраженным центром и разнородной, размытой периферией, но и зафиксировать тенденции и перспективы расширения и обогащения различных зон и микрополей данного поля. Наше исследование еще раз подтверждает мысли тех ученых, которые высказывались о безличности как о развивающемся в русском языке явлении, хотя развитие идет неоднородно и требует дальнейшего наблюдения.

Библиографические ссылки

1. **Клобуков Е. В.** О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е. В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М. : Индрик, 2001. – С. 107–118.
2. **Курмакаєва Н. П.** Закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. П. Курмакаєва. – Д., 2010. – 20 с.
3. **Лушай В. В.** Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности : интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Лушай – Донецк : ДонНУ, 2010. – 255 с.
4. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 8-е. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
5. **Плунгян В. А.** Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
6. **Степанов Ю. С.** Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
7. **Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость** / А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина и др. – СПб. : Наука, 1991. – 370 с.

Надійшла до редколегії 01.04.11